

ВЛАДИМИР ПОПРЯДУХИН

Шлейф прошлых жизней

Владимир Попрядухин

Шлейф прошлых жизней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28953493

ISBN 9785449021328

Аннотация

Сборник красивой лирики с вкраплениями юмористических стихов. Можно ли это считать поэзией? Решать Вам. Некоторые стихи из сборника стали песнями.

Содержание

Ловцы снов	5
Шлейф прошлых жизней	7
Незаконченный роман (с)	9
Кай	11
Июнь	13
Параллельность миров	15
Как рождается лирика	17
Подобное не лечится подобным	19
Прощайте друзей	20
Лимончик к чаю	22
Двери в детство	24
Рукописи горят	26
Река на рассвете	27
Сталкер	29
Ночь над Чимганом ⁵	31
Канатоходка	33
Песок времени	35
Новогодний романс	36
Мужское осеннее	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Шлейф прошлых жизней

Владимир Попрядухин

© Владимир Попрядухин, 2018

ISBN 978-5-4490-2132-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ловцы снов

На границе ночи тихо и обманно
Стёрты напрочь грани между сном и бдением.
Стерегут границу сборщики тумана
И ловцы, что ловят в сети сновиденья.

В дырку меж мирами нежить вдруг нахлынет,
Закричат кошмары в снах зловещим эхо,
Но ловец привычно невод тонкий кинет,
А туман заклеит наглухо прореху.

На Луне, на тёмной стороне, без света
Место, где хоронят вязкие кошмары.
И ловцы, заполнив страхами пакеты,
За границей света выгружают тару.

А пока сон крутят в медленном повторе,
Сборщики с ловцами примостятся рядом.
Отхлебнут из фляги звёздного кагора,
Помолчат, кометы провожая взглядом.

Скептики поднимут насмех непременно:
Это, мол, легенда, полная обмана.
Но хочу однажды, мир покинув бранный,
Поступить на службу сборщиком тумана.

Шлейф прошлых жизней

Я в прошлой жизни был не помню кем.
И был ли – достоверно неизвестно.
Но каждый раз, касаясь вечных тем,
Я чувствую мной пройденную бездну.
Как-будто где-то я уже решал:
«Быть иль не быть?!» три карты открывая.
А может быть когда-то проезжал
По Патриаршим «за рулём» трамвая.

И в муторную плоскость бытия
Вдруг проникает прошлое. И снова
Как будто этот «я» совсем не я,
А юный барабанщик Ватерлоо.
Как будто видел я уже Афон.
Не на картинках, просто жил в Афоне.
И пробежал однажды марафон,
Погибнув в самом первом Марафоне.

И женщина, что мне милей всего
Когда-то жизнь со мной уже делила.
Иначе непонятно – отчего
Меня влечёт таинственная сила
Её спокойно-милого лица.
Её улыбки ласковая тайна.

Я не смогу поверить до конца,
Что наша встреча выпала случайно.

И в дебрях непростых психологом
Простой закон мной для себя озвучен:
Сильней всего влечёт, обычно, к тем,
С кем был ты в прошлой жизни неразлучен.

Незаконченный роман (с)

Грусть оттенка белой ночи
Обняла меня за плечи.
Память подводить не хочет,
И от этого не легче.

Кружка чая с бергамотом
Из старинного фаянса,
Боль в душе звучит аккордом
Недопетого романа.

На боку старинной кружки
Чуть улыбкою играя,
Пляшет с лютнею пастушка,
Мне тебя напоминая.

И подмигивает тайно
Сквозь мозаику прожилок.
И бессонница печально
Гладит пальцами затылок.

Взял гитару, с ней уютней
В тишине печальной ночи.
Доиграю вместе с лютней
Тот романс, что не закончен.

Кай

По снежной равнине за снежной каретой
Лечу в неизвестность на старых салазках.
И воют мне вихри печально сонеты,
И шепчут мне на уши страшные сказки.

Моя королева безмерно прекрасна,
И льдинки в глазах ее, словно алмазы.
Я верю, что жертва моя не напрасна,
Хоть путь мне обратно навечно заказан.

Пусть в сердце вживит мне морозную силу,
Об этом потом пожалею едва ли.
Ведь главное, чтобы вдвоем с моей милой
Без слов мы друг друга всегда понимали.

Пусть кожа ожогами снежными вздулась,
И слепнут глаза в ледяной круговерти,
Но вот королева опять обернулась —
И сразу не жалко замёрзнуть до смерти.

И мозг от мороза впадает в беспечность.
Я сам себе выбрал дорогу такую.
Из льдинок, быть может, сложу слово «Вечность».
Пусть букв не хватает – я их дорисую.

Июнь

Я в тот безмятежный июнь никогда не вернусь,
Где листья резные в окошке фильтруют закат.
И тонкими пальцами щиплет мне за душу грусть,
И ласково шепчет на ухо: «Ну кто ж виноват?»»

Ну кто виноват, что поблекла небес бирюза,
И наша любовь наш совместный закончила путь?
И лишь равнодушьем сочатся любимой глаза,
В них этот горячий июнь никогда не вернуть.

Ты вежливо спросишь в письме иногда —
Как дела?
Твое состраданье достойно твоей красоты.
Но я понимаю – любовь потихоньку ушла.
Осталось у сердца лелеять пустые мечты.

Уставши терзаться, свалюсь, убаюканный сном.
Уйдет с небосклона сознания тревоги гроза,
Во сне все как прежде – горячий июнь за окном,
И близко твои в поволоке любовной глаза.

Мы снова впадаем с тобой в полуявь-полусон
И кожа о кожу искрит до искусанных губ,
И вдруг поцелуй разорвет полукрик-полустон,

И голос осевший внезапно становится груб.

И в этом смешении снов ну почти Бюнюэль.

Под сладостью – горечь реальности: все решено.

И с каждым мгновеньем тускнеет в душе
акварель

«Июньский закат сквозь акации. Грустно.

Давно.»

Параллельность миров

Гипотеза многих вселенных отнюдь не нова,
Есть ряд параллельных миров под рукою Творца.
И в каждом из них зеленеет под небом трава,
И в каждом из них от любви бьются чаще сердца.

Легенда гласит, что мучительней нет ничего,
Когда вдруг на стыке миров образуется сдвиг.
Она вдруг до боли внезапно полюбит Его,
Проникнув в его параллель на единственный миг.

И он к ней рванёт сквозь фантомы
чужих городов,
Успеет коснуться, к груди на секунду прижать.
Но крутятся где-то вдали шестерёнки миров,
И скоро вселенные врозь разойдутся опять.

Разверзнутся снова на стыке миров небеса,
Провиденье их разделит, разбросав по мирам.
Её мир – в созвездии Малого Гончего Пса,
Его мир – Телец и оранжевый Альдебаран.

Все будет как раньше, обыденный круговорот,
И жизнь потечет чередою событий и дат.
Но будет она постоянно смотреть на восход.

И будет он вечером каждым глядеть на закат.

Вдруг вновь засбоют механизмы небесных колес?

Закружат их вновь вихри
всех межпланетных ветров.

Он снова вдохнет аромат ее губ и волос.

И сердцем своим разомкнёт
параллельность миров.

Как рождается лирика

Куда от боли этой деться?
Ложатся строки на листок.
Опять ты словно режешь сердце
Струною стихотворных строк.

Душа стихами кровотоцит,
Сочится рифмами едва,
Как-будто ненароком хочет
Всю боль перевести в слова.

И в лирики узор искусный
Вплетётся боль – тугая нить.
Красиво, трепетно и грустно.
И ничего не изменить.

Горчинку хинную бессонниц
В коктейль добавит стихоплёт.
Глаза защиплет у поклонниц,
И ком под горло подойдет.

Сжимая в нервном спазме руку,
Смакуя лирику до слёз,
Задумайтесь, какую муку
Поэт через себя пронёс.

А, впрочем, да зачем вам это?
Прочёл – забыл. Да, так верней.
Пусть любят женщины поэтов,
Но выбирают технарей.

Подобное не лечится подобным

Подобное всегда подобным лечат,
Так классик, как известно, утверждал.
И, вроде, нету лучше новой встречи
Коль прежних чувств расколот пьедестал.
Но все течёт, меняется в природе,
Не те флюиды вниз струит астрал.
И, максимум, на что сей принцип годен —
Лечить похмелье, если перебрал.
Любви найти подобную замену
Нельзя, ведь это штучный экземпляр.
Не будут чувства прежним равноценны,
Не повторит художника маляр.
И если любишь до душевной дрожи,
То повторить навряд ли хватит сил.
Не все на свете лечится похожим.
Булгаков – он про водку говорил.

Прощайте друзей

Мы друзьям иногда не прощаем
Пустяков. Мол, иначе нельзя.
Мол, иначе себя потеряем.
И уходят из жизни друзья.

В камуфляже из солнечных бликов
Вдруг знакомый мелькнет силуэт.
А рванёшься вдогонку, окликнув —
Никого. Только солнечный свет.

В перспективу тенистых проулков,
По воскресным пустым площадям
Потихоньку, ни валко, ни гулко
Вдаль куда-то уходят друзья.

Мы же кружимся в водовороте
Повседневных мишурных страстей.
Все в делах, и в быту, и в работе
Потихоньку теряя друзей.

Не окликнуть ни словом, ни взглядом
В лабиринте могильных оград.
Вы простите их. Пусть будут рядом.
Повинятся, простят, помолчат.

Лимончик к чаю

Я от себя сегодня убегаю,
Но убежать, наверно, не смогу.
В моем кармане есть лимончик к чаю,
А, впрочем, подойдет и к коньяку.

Пройдусь пешком по улочкам старинным,
По тем местам, где жил давным-давно,
Безмолвно-тихо в скверике пустынном,
Где из горла пил в юности вино.

Считает кошек бабка у окошка,
Наверное, надеется, что вот
С очередной, не очень чёрной кошкой
Вдруг счастье мимо давнее пройдет.

Оно пройдёт и радостно поманит,
И подмигнёт игриво, озорно.
Вновь аромат акаций одурманит,
Волной врываясь в дом через окно.

Но жаль возврата в юность не бывает,
И время в вечность мчит на всех парах.
А счастье – вон – на лавке почивает,
Иль выпивает с другом в гаражах.

Да и моё куда ушло – не знаю.
К такому, как я в прошлом пареньку?
Сегодня счастье – есть лимончик к чаю.
А если друга встречу – к коньяку.

Двери в детство

Когда на грани сна смыкаются глаза,
Вдруг память, как волна, несёт меня назад.
Туда, где тёплым днём приятный ветерок,
Где пряди всех времён сплелись в один клубок.
Там возле древних скал, простором опьянён,
Любой пацан искал следы былых времён.
Вдруг, в глубине пещер, заброшен и забыт
Басмаческий аскер¹ у золота лежит.
Истлел его халат, но сразу рядом с ним
Застыл стволом назад заржавленный «максим».
Вот если повезет то место отыскать,
Сгодится пулемёт в Чапаева играть.
А золото вернуть в какой-нибудь музей,
И взять совсем чуть-чуть, чтоб одарить друзей.
Бутылок изумруд меняет детвора
На радость, что везут в арбах «шара-бара»².
И я бутылки нёс на их гортанный зов,
Заслышав стук колес и цокот ишачков.
Там лет уже с пяти любой малец готов
Отчаянно грести сквозь пену бурунов.
И сквозь водоворот пройдя по бурунам
Прижать худой живот к нагретым валунам.

¹ Аскер – воин.

² Шара-бара – сборщик бутылок, обменивавший их на самодельные игрушки.

О, если б было так, чтобы однажды днём
Мне Бог в родной Чарвак³
открыл дверной проём.
Не в этот, что сейчас заброшен и уныл,
А в тот, каким для нас Чарвак когда-то был.

³ Чарвак – небольшой поселок в горах, неподалеку от Бричмуллы, воспетой в песне Никитина – 70 км от Ташкента.

Рукописи горят

Мастер в сером чистилище без Маргариты.
Есть ли судьба печальней? Похоже нету.
Рукописи горят? Тут вопрос открытый.
Может быть, если любовь вдруг упала в Лету.

Светлыми каплями с чёрной водой смешалась...
Мойры плетут планиду неумоимо.
Яркую нить любви перекрасили в жалость.
Значит гореть стихам на огне камина.

Ведь не осталось в катренах волшебной силы,
Точки везде, и кавычки внахлёт закрыты.
Да, он был Мастером. Так она говорила.
Жаль, что она не была до конца Маргаритой.

Река на рассвете

Прохлады хризолитовая небыль
Наполнит душу, вытеснив печали.
Черпну ладонью слабый отсвет неба,
От берега тихонечко отчалив.

Клепсидрой капли отбивают склянки,
С весла в рассвет размеренно стекая.
На растворённой в сумерках полянке
Весна токует голубиной стаей.

Здесь в предрассветье все неясно, зыбко.
Туманом тает опыт многолетий.
Бетонный довод может стать ошибкой
В заведомо составленном ответе.

Под сапогами полумесяц рыбкой
На дне челна колеблется вопросом.
И полумрак с чеширской улыбкой
Шепнёт: «Кво вадис?»⁴, щёлкнув перед носом.

Все, что имело накануне смысл
Фальшивой медью тихо канет в воду.

⁴ Кво вадис? – камо грядеши? – куда идёшь? (латынь в транскрипции кириллицей).

Внутри катарсис, лишь мелькает мысль:
«Я суете себя задаром отдал».

В чем смысл жизни? Где на все ответы?
Быть может просто пренебречь делами,
Сойти к реке по лезвию рассвета,
Достав луну из лужи под ногами.

Сталкер

Причудливых теней когтистый абажур
Надменную луну узором оверлочил.
Бреду по зоне я, и нужен перекур,
Но в спину странный взгляд из сердцевины ночи.

Он бьёт из темноты невидимым лучом.
И точно под ребро, и далее под печень.
Но я не оглянусь, мне словно нипочем,
Да, честно говоря, и защититься нечем.

Я здесь совсем чужой, здесь все совсем не так.
И чувствам места нет, а балом правит серость.
А хочешь тихо жить – забейся в полумрак,
Не чувствуй, не люби, как сильно б ни хотелось.

Здесь не любовь, а секс, на вере – голый крест.
Здесь ложь доведена до степени искусства.
Поэтому бреду я прочь из этих мест
Туда где есть любовь, и искренность, и чувства.

И взгляд из темноты испуганно моргнёт,
И палец на курке за ним ослабнет тоже.
Он в глубине души нечаянно поймёт,
Что мир, где нет любви существовать не может.

Ночь над Чимганом⁵

Икрыное брюхо звёздной ночи
Распорола тень горы неровно.
В водопаде звёздных многоточий
Мир реальный кажется условным.

А в зрачках твоих бушует космос
Миллиардом светлячков летая.
Перекат шумит, в речные косы
Валуны, как фенечки, вплетая.

На вопрос ответ возникнет тихо.
В апогее звёздного веселья
Налетит с фирнов озябший вихрь
И по склону скатится в ущелье.

Не имея больше нужной силы
Спит огонь костра меж валунами.
Время капель в янтаре застыло,
Опрокинув тишину над нами.

В ней звенит хрустальным пиццикато
Метеор, играя скерцо-шутку,
Оставляя в нас, почти по Канту,

⁵ Чимган – вершина в Зап. Тянь-Шане, 60 км. от Ташкента.

Звёздный мир на краешке рассудка.

Канатоходка

Она легко над пропастью идет
Под громкий шум досужих пересудов.
И режет шнур, как нож, подошвы стоп,
И пузырьками страх кипит в сосудах.

Она идёт над пропастью во лжи.
Толпа ликует в ожиданье сплетен.
Зачем ей это нужно, подскажи?
Ведь берег тот во мраке незаметен.

«Ты б не ходила!» ей кричат друзья.
Их крик невнятно слышится с галёрки,
«Ведь у тебя есть дом и есть семья.
Любовь? Да это миф для недалёких!»

Ведь есть работа и комфортный быт,
Есть муж других не хуже, не пьянее.
Так все живут, подруга, без обид.
И ты живи, не будь других умнее.

Ну а она, тем временем идёт,
Рискуя всем, что есть и тем, что было.
И даже ветер сплетен вдруг замрёт,
Признав любовь могущественной силой.

Опасен и нелёгок этот путь,
Ещё темно, неясно все и зыбко.
Ну а она готова всем рискнуть
И даже расплатиться за ошибку.

Ведь для неё так важен каждый шаг,
Глаза в глаза, и сердце вскачь – до дрожи.
И без любви не мир, а полумрак,
И без неё дышать она не сможет.

И побоку глумящийся оскал
Тех, кто любовь считает бесполезной.
Пою осанну, тем, кто рисковал,
И за любовь решился через бездну.

Песок времени

Жизнь просыпалась пылью в песочный брегет.
Нам отмерян лишь миг, да и то, вишь, по благу.
Мы сидим на краю, свесив ноги в рассвет,
Пыль тем самым пуская в зеницу закату.

Миг, в котором все шло иногда кувырком,
Где смеялся от боли, не плакал на тризне.
Вот он, сеется вдаль эфемерным песком,
Где-то там собираясь для будущих жизней.

Наверху в небесах, в часовой мастерской
Мудрый старец почувствовал
в пальцах усталость.
И нечаянно дрогнул ослабшей рукой,
И рассыпал чуток, то что мне причиталось.

А иначе нельзя объяснить: почему
Жизнь так быстро приходит к последнему дому?
Не ропщу. Безусловно, виднее Ему.
Лучше пусть отдохнет, и досыплет другому.

Новогодний романс

Слова из словаря, а песни из гитары...
Я в эту ночь спою, когда небесный свет
Сойдёт, как благодать в наш городишко старый,
И бусину Господь добавит в чётки лет.

Спасибо всем друзьям, что были в моей жизни,
Спасибо за баланс успехов и невзгод.
Со всей душою я, без капли укоризны,
Спою тебе романс, мой самый Новый год.

Минута тишины на грани календарной.
Лишь зазвонят в ночи созвездья хрусталём.
Давай помянем мы год уходящий старый
И красное вино в фужеры разольём.

Жарптицыным хвостом зарницы фейерверков
Окрасят в хохлому полночный горизонт.
Игриво и легко фигурка баядерки
Со старого трюмо лукаво подмигнёт.

И будет все не так, а может быть – иначе.
Закружит огоньков на ёлке хоровод.
Пусть слякоть за окном, дождём декабрь плачет,
Но бьют часы январь. Заглянем в Новый Год?

Мужское осеннее

Мы тонем, как титаники
В пучине повседневности.
И бытовухой травимся —
Дела, труды, понты.
В гербарий, как ботаники,
Засушим чувства ленностью.
Мол, все равно отправимся
В край вечной темноты.

Любовь – она для мистиков
И для лохов-романтиков.
Мол, сам тому свидетелем
И рано поседел.
Лишь от букетов листики,
От шоколадок фантики,
И за любовь радетели
Остались не у дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.